

РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ: ИЛЛЮЗИИ ПРОШЛОГО, ХИМЕРЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В.П. Булдаков

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. Для связи с автором: kuroneko@list.ru

Статья поступила в редакцию: 15.10.2015. Принята к печати: 27.04.2016

Аннотация. Автор опровергает представления о том, что прогресс многопартийности в России означал движение в направлении демократизации. Напротив, зарождение многопартийности в России в конце XIX – начале XX вв. было симптомом фрагментации общества. Это, в свою очередь, указывало на приближение системного кризиса. Российские политические партии росли сверху, а не снизу. Они отражали скорее процессы идейного самовыражения интеллигенции, нежели пробуждение основных классовых сил. Тот факт, что партии возникали первоначально на окраинах империи, причем от левого фланга политического спектра к правому, также характеризует процесс партийного строительства как отражение близящегося распада империи и грядущего раскола общества. На это же указывает и крайняя слабость либеральных партий центра. Все это в полной мере подтвердилось в 1917 г. События конца XX в. указывают на культурно-генетическую природу сохраняющейся архаичности массовой политической культуры в стране. Сохраняется и ее основа – патерналистские, иерархические модели массового поведения. Существующие политические партии зачастую лишь имитируют наличие нормальной политической жизни в стране, способствуя упрочению неопатерналистских отношений в политике и архаики массового сознания. Автор обращает внимание на необходимость изучения реального субъекта политической истории России – тех самых “темных масс”, с которым элиты по-прежнему не находят общего языка.

Ключевые слова: Россия; политическая культура; многопартийность; революция; патернализм; авторитаризм; большевизм.

Российская история породила и порождает немало политических иллюзий, фантазий и симулякров. Значительная часть из них связана с призраками демократии, особенно тревожащими воображение россиян в связи с обострением недовольства той или иной формой авторитаризма. И чем туманнее выглядят демократические идеалы, тем более основательными кажутся их внешние атрибуты. В ряду последних заметное место занимает политическая многопартийность.

Для начала стоит разобраться с терминологией. Само понятие *многопартийность* изначально смотрелось семантическим уродцем, боязливо противостоящим абсурду “однопартийности”. Всякая партийность (от лат. *pars* – часть) предполагает множественность своего конкретного воплощения. Представление об идеале “многопартийности” могло возникнуть только в советские годы в качестве антитезы псевдополитической монособъектности в лице КПСС. Многопартийность казалась синонимом демократии – об этом еще пойдет речь ниже.

Самый термин *полития* (от древнегреч. *πολιτεία* – система управления городом, государственное устройство) этимологически связан с *полисом* (от древнегреч. *πολις* – город-государство), т.е. *городским сообществом*, включающим

дискретное многообразие культур. Таким образом, политическая культура как продукт городского жизненного уклада по определению противостоит *синкретизму* крестьянских миропредставлений. Поскольку ко времени “расцвета” российской многопартийности – более ста лет тому назад – большинство населения России проживало в деревне, самый термин *политика* оказывался более или менее подражательным. А в нашей склонности к культивированию химер собственного воображения трудно усомниться.

Свободу имитировать нельзя. Между тем имитации свободы не могут не зарождаться в социальной среде, несвободной *sui generis*. Порабощаемое человеческое существо вынуждено сдобривать свое существование иллюзиями, прежде всего иллюзиями *свободы от* любых стеснений. Феномен российской многопартийности имеет скорее *социально-психологическое*, нежели политико-практическое происхождение, исходящее из отношений собственности.

Изучение российской многопартийности началось в годы “глубокого застоя”. В недрах учреждений, призванных подтвердить закономерность победы большевизма (Институт марксизма-ленинизма и Академия общественных наук, функционирующие при ЦК КПСС), возникла вполне здравая идея: показать, что у большевиков были отнюдь не слабые (как подчеркивалось ранее), а, напротив, весьма серьезные политические противники. Идею поддержал Научный совет АН СССР по проблеме “История Великой Октябрьской социалистической революции”, возглавлявшийся Героем социалистического труда академиком И.И. Минцем – это была мощная “крыша”.

Начали с “мелкобуржуазных”, как было принято считать, меньшевиков и эсеров, потом перешли на прочие (“буржуазно-помещичьи”) партии [Булдаков 2005]. Со временем все они стали именоваться “непролетарскими” – по тогдашним понятиям, только большевики могли выступать от лица “самого передового” класса. Был опубликован ряд сборников об “агони” и “крахе” противников Ленина – все делалось в духе идеологической риторики тех лет. В 1984 г. даже появилось своего рода итоговое издание [Непролетарские... 1984]. На фоне последовавшей вскоре перестройки это выглядело почти символично. Развернулся поиск политических альтернатив и большевизму, и существующей КПСС. Это было более чем естественно. И, разумеется, в те времена простительно было думать, что многопартийность и политическая демократия – практически одно и то же.

Следующий этап изучения многопартийности развернулся в 1990-е годы. Нельзя сказать, что было сказано нечто качественно новое, но масштабам тогдашних публикаций (особенно документальных) нельзя не поражаться (в этом большая заслуга В.В. Шелохаева). Разумеется, не обошлось без апологетики противников большевизма.

Инерция тогдашних подходов сохраняется до сих пор. В общем, это создание *образа* российской многопартийности по канонам и меркам сочинительства истории КПСС. Продолжается изготовление диссертаций по отдельным партиям в отдельных регионах. Партийность стала предметом политического самоутверждения, а история революции предстала драмой насильственного вытеснения российской многопартийности. Сталинский “Краткий курс” переписывался под антибольшевистским углом зрения. Со временем наметился рост симпатий к правому спектру былой многопартийности. Все это было неизбежно, но насколько оказалось продуктивно в познавательном отношении?

Приходится констатировать, что эфемерная история партий вновь заслонила историческую реальность. Между прочим, в прошлом партийные лидеры в большей или меньшей степени сознавали, что общего языка с традиционалистским большинством населения у них нет. Учитывалась возможность безрадостной перспективы: очередная российская смута сметет их вместе со всеми “научно обоснованными” программами. Об этом не задумывались разве что последователи В.И. Ленина да анархисты, убежденные, что способны перенаправить народное возмущение в нужном направлении.

В свое время историю российских революционных, а затем и оппозиционных партий охранители режима связывали с феноменом российской интеллигенции. Давно известна ее характеристика, предложенная Г. Федотовым: сообщество, объединенное “идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей” [Федотов 1952: 17] (написанное им об эволюции облика русской интеллигенции порою выглядит как парафраз хрестоматийных мыслей Ленина из статьи “Памяти Герцена”). Но всерьез вникать в этот феномен (если не считать авторов “Вех”) в России, похоже, было некому. Между тем, следовало бы уловить его связь с психокультурной атмосферой авторитаризма, неизбежно порождающего “лишних” для власти и даже “чужих” для России людей.

Само слово *интеллигенция* пришло из романов П.Д. Боборыкина и И.С. Тургенева, а ее имидж возмутителя спокойствия — из “Бесов” Ф.М. Достоевского. Р. Пайпс, предпринявший сравнительный экскурс в эту область, отметил, что слова “*intelligence*” и “*Intelligenz*” в 1830-1840-е годы имели хождение соответственно во Франции и Германии, но затем вышли из оборота за ненадобностью. В конечном счете он сравнил русских интеллигентов с французскими “философами”, подготовившими революцию [Пайпс 1994: 138-149]. Конечно, такая аналогия поверхностна: она продиктована стремлением найти “виновника”. На деле появление интеллигенции в России скорее связано с указом “О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству” 1762 г., одним из последствий которого стали философствующие “бездельники”, отколовшиеся от служилого сословия. Естественно, в их среде возник соблазн постоянно сравнивать Россию и Запад и мечтать о “правильном” обустройстве России. А всякое умозрительное занятие особенно заразительно.

Однако возникает вопрос: почему в массе российской интеллигенции наряду с безобидными Маниловыми появились социально небезопасные суицидалы типа Ставрогина? Как ни считать, но именно интеллигенция подарила России феномен “многопартийности” — примечательный вовсе не несметным количеством партий, а тем, что партии, во-первых, восходили к традиции интеллигентских кружков, во-вторых, накапливали в себе заряд взаимной доктринальной нетерпимости, в-третьих, — распяляли себя ненавистью к существующему режиму. Строго говоря, подобная, связанная с негативной мобилизацией, многопартийность без образа общего врага в лице “негодной” власти обернулась бы вакханалией самоуничтожения.

Стандартное сравнение русской интеллигенции с французскими “философами”, подготовившими революцию, сомнительно. Французы стремились “раздавить гадину” (прежде всего церковь, а также абсолютизм) и не знали колебаний в насильственном утверждении прав гражданина. Русские интеллигенты к официальной церкви были равнодушны, в отношении к государству были поражены амбивалентностью, а о распространении гражданских добродетелей

в широких слоях крестьянства и не помышляли. Французские революционеры исходили из “диктатуры разума”, русские интеллигенты смешивали ее с нравственным идеалом. Как результат, эмоционально несдержанные социальные отщепенцы и диссипативные элементы не смогли стать профессионалами даже в революции. Известная “властебоязнь” партийных лидеров в 1917 г. и превращение их в “партию ИИ” (испуганных интеллигентов) — явление не случайное. За ним таился мазохистский страх жертв патернализма перед перспективой собственного участия в дисциплинирующем насилии от лица власти.

Демократия вообще не имеет идеалов внутри самой себя. Она не случайно начинается как аристократическая фронда абсолютизму. Потребность в демократии в России испытывали не в порядке расширения пространства личной (гражданской) свободы, а главным образом в связи с поиском противовеса произволу. А поскольку эта потребность носила защитный характер, то и средства ее реализации оказывались по преимуществу пассивно-подражательными. “...Наши высшие общественные классы, привыкшие жить умственно чуждою жизнью, невольно переносят вычитанные и высмотренные ими европейские идеалы на действительную жизнь, приурочивая их к нашим общественным явлениям, тождественным *по названию* с европейскими, — названию, данному на основании самой поверхностной аналогии...” — писал Н. Данилевский [Данилевский 1991: 289]. А народ оставался почитателем “своей” власти, скроенной по старому как мир принципу “большой семьи”. Важно было только, чтобы во главе ее стоял “понятный” правитель.

Систему российских партий стоило бы выводить не столько из классово-сословного или хозяйственного интереса, сколько из императивов нравственно-эмоционального порядка (обычно лишь дезориентирующих в чисто политическом отношении). Авторитарно-патерналистская система всегда “избыточно” эмоциональна по причине инфантильной недоразвитости общественного сознания — ему недостает “коммуникативного разума” (по Ю. Хабермасу). Именно на этой зыбкой почве и сложился своеобразный этический антипод имперскому “всевластью”. По мере прогресса образования и наук росла интеллигентская нетерпимость ко всему, что противостояло идеалу. Из таких установок и вырастали интеллигентские партии — утопичные в своих основаниях. Отсюда затянувшийся спор славянофилов и западников, до сих пор будоражащий “политическую” жизнь России.

Российская многопартийность никогда не была национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Зато этот своеобразный “пустоцвет” был способен провоцировать смуту. Неслучайно партии в России возникали “слева направо” — от социалистов к монархистам. В основе появления большинства из них лежали ресентиментные интенции, вызываемые ощущением тотальной несвободы и / или аккумуляцией “иррационального” недовольства. Показательно, что ранее общероссийских левых партий возникали местные “национальные” партии (обычно также социалистические по названию) [Шелохаев 1997: 10-11]. Партии *in corpore* отражали (или предвосхищали) процесс будущего развала империи, а не консолидацию общественных сил и начало формирования гражданского общества. Такая многопартийность в качестве прообраза парламентаризма оказалась мертворожденной — прежде всего в силу ее генетических изъянов.

Закономерно, что российская партийно-политическая анти / система складывалась под мощным воздействием извне. Марксистский ее компонент выглядел

Россия сегодня наиболее противоестественно [Булдаков 2009: 182-200]. Партии в концентрированном виде отражали набор интеллигентских утопий, доктринального пре-краснодушия или сектантской оголтелости, а отнюдь не являлись прагматичным оформлением интересов тех или иных общественных групп. Неслучайно среди партийных функционеров оказалось столь большое количество “поповичей” — выходцев из священнической среды [Леонтьева 1996; 2000: 49-53; 2001: 29-43]. Такая партийно-политическая структура бесплодно “сжималась” в “спокойные” времена и нервно активизировалась в периоды нестабильности.

В России насчитывалось (до ликвидации их в СССР) 280 политических партий. Из них 57 считались общероссийскими, остальные относились к “национальным”, т.е. претендующим на представительство нерусских народов [см. Политические партии... 1996].

Некоторые количественные параметры партийно-политической структуры России определились в ходе революции 1905-1907 гг. Социал-демократов было тогда свыше 100 тыс. (58 тыс. большевиков, 45 тыс. меньшевиков), социалистов-революционеров — 63 тыс., кадетов — до 50 тыс., октябристов — до 60 тыс., правых (главным образом черносотенцев) — 410 тыс. (минимальная оценка). К каждой из этих партий (не исключая правых) примыкали их “национальные” аналоги или филиалы — порой весьма многочисленные. При этом как на правом, так и на левом фланге партийного спектра доминировали черты идейной нетерпимости, конфронтационного настроения, кружковщины, индивидуализма [Розенталь 2015: 24-30]. В 1917 г. партийно-политическая структура сдвинулась влево: не только черносотенцы, но и октябристы исчезли из политического ландшафта, а кадеты — вполне противоестественно — стали самой правой партией.

104

Наивно было бы думать, что эти данные воспроизводили реальную политическую силу представляемых теми или иными партиями “классов”. Во-первых, партийная система отражала прежде всего мощное вторжение социалистических (особенно марксистских) идей в сознание всего лишь одной социальной группы — интеллигенции. Во-вторых, появление массовых либеральных, консервативных и черносотенных партий было до известной степени своеобразной, дозволенной сверху реакцией на эту тенденцию. В-третьих, характерно разложение политического спектра на полярные крайности, слабость центра и наличие “партий-антиподов” (марксисты — народники, западники — почвенники). Наконец, членство в партиях (особенно на крайних флангах) было достаточно условным — широко практиковалась, прежде всего в периоды эмоциональной взвинченности населения, коллективная запись. В общем, официальные партийные данные в определенных условиях могли быть величиной воображаемой, а фактор “размытой” и / или “ситуационной” партийности (переходы из партии в партию и поддержка то одних, то других политических лозунгов) был чрезвычайно силен.

Все это связано с пролонгированным действием “незримого” фактора — размытостью отношений собственности. Между тем в Европе именно частная собственность исторически выступала стимулятором и гарантом прогресса личной свободы. Увы, Россия не наследовала принципов римского права, не прониклась духом Кодекса Наполеона, народ привык к переделам собственности, практикуемым властью, и даже либералы в лице кадетов допускали принудительное отчуждение частновладельческих земель. Стоит ли удивлять-

ся, что левые партии склонялись то ли к общинно-анархистскому (эсеры), то ли к этатистскому (большевики) отношению к собственности — этот парадокс драматически сказался на судьбах российской многопартийности.

Показательно территориальное размещение партийных комитетов. В 1905-1907 гг. социал-демократы имели их в 494 населенных пунктах, эсеры — в 508, кадеты в 360, октябристы — в 260, правые — в 487. Из них в сельской местности: РСДРП — 144, эсеры — 277, кадеты — 72, октябристы — 33, правые — 222 (всего существовало 2 229 отделов черносотенцев). Иными словами, все партии, за исключением правоэкстремистских, были “городскими”, включая и “крестьянскую” партию эсеров [Политические партии... 1987: 5, 91-95, 193]. При этом непосредственной связи между партийной агитацией и крестьянским бунтарством не было заметно, а представители низовой сельской администрации зачастую сами возглавляли крестьянские выступления. Получается, что крестьяне охотнее всего готовы были довериться “своим” начальникам и наставникам, а не краснобаям из чуждой среды. Подчас даже сельские священники вольно или невольно формировали в крестьянской массе “религию бунта” [см. Зырянов 1984: 106-107; Леонтьева 2008].

Да и в Государственную думу крестьяне предпочитали избирать “своих” — тех же священников. Но здесь последние вполне по-интеллигентски стали разбредаться по партиям. В I Думе из 8 клириков большая часть примкнула к левым и партиям центра; во II Думе из 13 человек 7 определились как кадеты и социалисты; в III Думе среди представителей духовенства оказалось 4 прогрессиста, 9 октябристов, 14 умеренно правых, 2 националиста и 16 правых. Наконец, в IV Думе среди 46 священников было 19 умеренно правых, 21 — правый. Итак, лица духовного звания отнюдь не составили в Думе нравственно объединяющего ядра, впрочем, как и думское большинство, со временем они обнаружили тяготение к Прогрессивному блоку [см. Русское православие... 1989: 454].

Механизм вхождения в партии левого и, особенно, крайне правого спектра имел отличительную особенность: личности диссипативного склада активно вовлекали в “партийную” деятельность всевозможных маргиналов, те, в свою очередь, возбуждали городской охлос. При этом революционеры чаще использовали гиперболизирующие характеристики и фантазийные образы, а контрреволюционеры обычно прибегали к использованию шокирующих (скорее, пугающих) метафор. Так находила выход “энергия отрицания”, тот самый “ресентимент”, о котором писал еще Ф. Ницше. Построить при подобных склонностях конструктивно действующий парламент было затруднительно.

Характерно, что в целом из всех партий наиболее основательно связанными с деревней оказались именно черносотенцы (в руководстве которых преобладали дворяне). В черте оседлости они порой вербовали в свой состав целые приходы нехитрым способом: человек, положительно ответивший на вопросы: “В Бога веришь?”, “Царя чтить?”, автоматически мог стать членом организации. Вместе с тем, у черносотенцев и крестьян-традиционалистов были точки идейного взаимодействия: восприятие государства в лице царя как гаранта всеобщего блага, равная неприязнь как к бюрократическому своеволию, так и к “партийному произволу”, отвращение к политике как корыстной игре “интеллигентов”. Правда, некоторые черносотенные организации выбирали антипомещичью ориентацию: взвинченный эмоциями вектор насилия смещался “справа налево”. При этом правые (как и анархисты) упорно не желали объединяться в общерос-

сийском масштабе, пытаясь сохранить стихийно-народную природу [Кириянов 1997: 82] — им хотелось походить на “черные сотни” времен Смуты XVII в.

Показательно, что, несмотря на демонстративный национализм и анти-семитизм, правые партии включали в свои ряды не только “этнически чистых” великороссов. Один лишь перечень фамилий лидеров правых наводит на мысль о преобладании этномаргиналов, особенно склонных к идентификационным крайностям. К 1905-1907 гг. относятся попытки создания мусульманских (в Поволжье) и иных православно-инородческих черносотенных организаций. В 1915 г. власти пробовали создать Отечественный Патриотический Союз (ОПС), куда официально принимались инородцы и иноверцы [см. Алексеев 1995: 76-78, 84]. Но в целом в истории черносотенства поражает то, что люди, претендующие не просто на поддержку самодержавия, но и на роль “спасителей Отечества”, были презираемы властями. Самодержавие готово было терпеть их только как альтернативу уличным действиям левых. А в общем и партии, и российский декоративный парламентаризм становились практически незаметными в спокойное время.

Известный философ Ф.А. Степун считал, что, не будь мировой войны, “пригоршня беспочвенных идей, брошенных на вспаханную войной землю кучкою ‘беспочвенных интеллигентов’, не могла бы дать тех всходов... от которых содрогается мир” [Степун 1991: 228]. Российскую многопартийность, как и империю в целом, взрвала Первая мировая война, точнее, неспособность самодержавия мобилизовать народ на победу. “Невероятность” происходящего заставила подданных империи почувствовать себя брошенными пасынками; это, в свою очередь, породило потребность в “спасительных” утопиях. Политики надеялись на “силу разума”, им ответила вся мощь “невежественной” традиции.

106 Строго говоря, о некоторых достижениях российской многопартийности можно говорить только применительно к дореволюционному времени. При этом крушение династии Романовых произошло без непосредственного участия партийных политиков, включая самых левых. Российский авторитаризм имеет обыкновение то ли пожирать, то ли истощать самого себя. Но воспользоваться плодами его “самоаннигиляции” смогли в наибольшей степени именно левые — наиболее “утопичные” — партии. Вслед за тем и вся российская партийно-политическая система стала работать на самоуничтожение, ибо окончательно разошлась со вставшей на дыбы *до-политической* культурой народа.

Казалось бы, после свержения царизма должны были получить преимущество либералы — тем более что умеренные социалисты намеренно отдали им первенство во Временном правительстве. Но наиболее “интеллигентные” кадеты на роль партии власти не годились. В сущности, ее настоящую историю написала в своих дневниках А.В. Тыркова, иронично именуемая “единственным мужчиной в кадетском ЦК”. Верхи кадетского руководства теперь вели себя так, словно “по ошибке попали в ненадлежащее место” и “невольно спрашивали друг друга — надолго ли это?” При этом они не без оснований сетовали: “Генералы у нас есть, а армии нет. У левых армия огромная, но нет ума в центре” [цит. по Наследие... 2012: 181, 178]. Политики, вжившиеся в роль “системной оппозиции”, не могут действовать самостоятельно, даже если жизнь заставила их отказаться от привычного амплуа. Поэтому и все современные сочинения о конструктивном “опыте” российской демократии рискуют, как и прежде, остаться пустыми политико-конъюнктурными декламациями.

Примечательно, что до 1917 г. российские либералы действовали преимущественно в рамках негативной мобилизации, построенной на отрицании всего, связанного со старым строем или его вырожденческими плодами. Напротив, после падения царизма решающее значение приобрел фактор позитивной мобилизации. Последняя в российских условиях становилась “реалистичной” лишь в той мере, в какой она взаимодействовала с народной утопией, предполагавшей только две формы практического переложения: смирение и бунт. И мог ли П.Н. Милюков, которого называли “фанатиком, влюбленным в собственный ум”, и его “профессорская” партия, члены которой были “уверены, что они лучше знают, что нужно народу, чем он сам” [цит. по: Толстой 1997: 13-14], совершить что-то помимо невольной провокации?

О численности партий в 1917 г. говорить достаточно сложно. Дело в том, что на волне социальных движений, все меньше считавшихся с интеллигентскими организационными намерениями, набирали силу охлократические тенденции. Соответственно падало значение “научных” проектов. Это отразилось в количественных показателях. Так, кадеты, чью численность в марте 1917 г. оценивали в 10-12 тыс., в октябре насчитывали приблизительно 70 тыс. членов. Численность меньшевиков выросла к октябрю с 45 тыс. до 180-193 тыс. Наибольший успех вроде бы имела самая “эмоциональная” партия эсеров: уже в марте она по некоторым данным насчитывала до 500 тыс., а в октябре — от 700 тыс. до 1 млн чел. Впрочем, успех “мартовских эсеров” обернулся расползанием партии на крайние фланги: достаточно сказать, что к октябрю численность левых эсеров (союзников большевиков) составляла 40-45 тыс.

Что касается большевиков, то в свое время принято было считать, что в марте их было 24 тыс., в октябре — 350 тыс. (если верить большевистским историографам). Но большевики вовсе не стремились возобладать количественно — ставка делалась, с одной стороны, на внутреннюю сплоченность, с другой — на способность воздействовать на широкие массы. И здесь, благодаря обещаниям быстро и радикально решить вопрос о войне и мире, большевики смогли опереться на наиболее активную часть общества — солдат, преобладающую часть которых составляли бывшие крестьяне. Кроме того, значительное воздействие на массы оказывали всевозможные максималисты и анархисты — вольные и невольные союзники и пособники большевиков слева. Это и позволило последним не только удержаться у власти до Учредительного собрания, но и легко упразднить его насильственным путем.

Многопартийность до известной степени отвечала послефевральскому всплеску народной смеховой культуры. Но в дальнейшем, особенно в связи с неспособностью демократии “накормить народ”, она — в лице “правящих” партий — стала смотреться как нечто неуместное. Отсюда неуклонное дробление многопартийности, стремление проводить правую политику под левыми лозунгами. В известном смысле это было продолжением “псевдоморфности” российского исторического развития, связанного со стремлением элит соответствовать неким европейским стандартам, с одной стороны, и упорной приверженностью традиционалистских масс привычным стереотипам протополитического поведения, — с другой [Королев 2009: 72-85].

В выборах в Учредительное собрание участвовало около 50 партий, всего же фигурировало около 220 избирательных списков. Голосование проводилось по признаваемой “самой совершенной” — смешанной — пропорционально-

мажоритарной системе. Обилие партийных списков свидетельствовало о слабости электорального сознания: повсюду на общенациональных выборах люди голосуют за “большие” партии; в 1917 г. неуспех многочисленных “мещанских” и “приходских” списков был заведомо предопределен. Всего по 74 гражданским избирательным округам (без фронтов и флотов) было заявлено 4 753 претендента (одно имя могло фигурировать не более чем в пяти списках). Из них было 642 кадета, 427 народных социалистов, 596 меньшевиков, 225 эсеров, 513 эсеров совместно с представителями крестьянских Советов, 238 “национальных” социалистов, 589 большевиков. Было очевидно, что больше всего предлагалось “интеллигентских” кандидатур. Социалисты составляли 60% всех кандидатов, правые – 11,7%. Результаты выборов никак не соответствовали списочным притязаниям правых: из 765 установленных депутатов было избрано 15 кадетов, 2 народных социалиста, 15 меньшевиков, 342 эсера (45%), 90 украинских социалистов, 94 представителя от различных “национальных” списков, 181 большевик (23,7%). Кроме того, было выбрано 26 представителей сословных и прочих мелких групп. Именно либералы, тем не менее, составили главную конкуренцию большевикам в крупных городах: в Петрограде они получили 26,2% поданных голосов (большевики 45%), в Москве – 34,2% (большевики – 48,1%). Получалось, что две самые мощные фракции – эсеров и большевиков – выиграли за счет крестьянства, с одной стороны, городских рабочих, солдат тыловых гарнизонов и армии – с другой. “Самый демократичный” избирательный закон дал бесспорное преимущество традиционалистским низам, маргиналам и молодежи: средний возраст членов эсеровской фракции составлял 37,5 лет, большевистской – 34 года, кадетов – 51 год [см. Знаменский 1976: 356-357; Спирын 1987: 238, 273-328; Протасов 1997: 80-81, 85, 87-91]. Иными словами, в Учредительное собрание прошли люди отнюдь не самые компетентные.

Чем после этого доктринерствующие социалисты и либералы могли объяснить свое поражение? Злокозненностью большевистских “заговорщиков”, нарушивших “непререкаемые” правила политической игры, или действиями “темных сил”, которых в революционной смуте можно было насчитать сколько угодно! Всякие “политические” игры в политически не отформатированной среде дадут эффект, противоположный ожидаемому. “Расцвет” многопартийности в России – индикатор нарастания системного кризиса и будущего поворота к диктатуре [Булдаков 2010: 17-33], а потому нелепы изыскания тех авторов, которые по-прежнему связывают движение к демократии со статистикой многопартийности.

Националистические утопии явились еще одним фактором, способствовавшим разрушению некогда интернационального настроения мысли российской интеллигенции. Кризис самосознания в народных низах сводил на нет и усилия интеллигентских идеологов, и уловки большей части партийных вождей. Лишь немногим из них сопутствовал успех, прежде всего тем, кто (включая большевиков) в традициях М. Бакунина открыто провоцировал насилие вооруженных толп. Остается только удивляться тому, что даже в современной России этот политический казус не находит понимания.

Примечательно, что наиболее проникательные западные авторы оценивают ситуацию 1917 г. как псевдополитическую, как своеобразное состязание утопий или “трагедию конкурирующих невозможностей” [Критический словарь... 2014: 48]. Идея, что в революционной стихии можно чем-то манипулировать, равносильна допущению способности хвоста вилять собакой. То, что интеллиген-

ция самоубийственно провоцировала революцию, не подлежит сомнению, но не стоит масштаб разрушений, причиненных бомбой, приписывать ее взрывателю. И потому все попытки рассматривать историю революции только сквозь призму разрушения “правильного” партийно-электорального процесса следует отнести к области социологического усердия, лишенного исторического разума.

На этом фоне большевизм стал в полном смысле русским порождением мирового катаклизма — отсюда курс на мировую революцию. Но РСДРП(б) не была политической партией в привычном смысле слова — это был своего рода генератор социального нетерпения масс. Приемы воздействия большевиков на народ можно было бы сравнить с псевдогипнотическими пассажами “воровки на доверии”, если бы не одно “но”. Последователи Ленина верили в то, что пытались внушить, куда больше чем сами внушаемые. Они были “партией веры”, а не партией политического действия.

Разумеется, и большевики не упускали возможности продемонстрировать свою “нормальность”. Ленин не раз заявлял, что надо рассчитывать “только на сознание масс” и на их “сознательный авангард”. Но он же публично взывал: “Доверьтесь нам, и мы дадим вам свою программу”. Последняя — плод марксистского наукообразия — воспринималась им как нечто сакральное, то, что не подлежит сомнению. К этому добавлялась склонность к тавтологии, что в известных условиях приобретает “магический” характер — становится выражением телеологической непреложности движения к идеалу. Но, с другой стороны, Ленин призывал “учиться у масс”. Получалось, что “научной” вере предстояло слиться с народной утопией — именно этот революционной “парадокс” приносил большевикам успех. Ничего похожего противники большевизма, по-прежнему делавшие ставку на уже не вполне уместную парламентскую эквилибристику, предложить не смогли [см. Булдаков 2001a].

Современные исследователи, похоже, тяготеют к иной интерпретации: трагедия Милюкова, полагают они, состояла в том, что “он как бы оказался без адекватной среды его восприятия” [Шелухаев 1996: 262]. Вероятно, это следует понимать как признание того, что русский либерализм оказался “слишком хорош” для России. Думается, что уместнее исходить из противоположного: произошло драматическое, но вполне предсказуемое отчуждение “здравомыслящей” интеллигенции *in corpore* от хаотичной российской действительности. Многопартийность усугубляла социально-информационный хаос, который для людей традиционной культуры был *sui generis* непереносим [см. Булдаков 2001b: 35-39].

Кстати, вряд ли стоит делать из большевиков принципиальных противников многопартийности. Они, безусловно, ощущали нужду в союзниках хотя бы для самоуспокоения. Есть свидетельства того, что Ленин и Троцкий искренне досадовали, что 25-26 октября 1917 г. меньшевики не поддержали их¹. До поры до времени они могли блокироваться с кем угодно — при совпадении политического темперамента, склонности к разрушению всего “контрреволюционного” и одинаковом видении отдаленной перспективы. С одной стороны, большевики явно тяготились политической изоляцией, с другой — их приводили в ярость выступления “буржуазной” печати, с третьей — им нужны были сверхреволюционные (более левые, чем они сами) пассионарии — и это не имело ничего общего с привычным типом многопартийности. Факт остается фактом: на начальном этапе гражданской войны важнейшую часть нагрузки в борьбе с контрреволюцией взяли на себя левые эсеры, максималисты, анархисты (и вообще

¹ О попытках создания многопартийной социалистической власти см. [Рабинович 1990].

анархистствующие), которых затем не составляло труда приструнить в видах наведения “революционного порядка” с помощью хладнокровных латышей, мадьяр и китайцев. Гражданская война выросла из хаоса и далеко не сразу приобрела черты двухполюсности. Ужас изолированного зависания над народом — вот чувство, которое поражает внезапно победивших революционеров, людей, закаленных гонениями, но не привыкших к властной ответственности. Это не могло не сказаться после октября 1917 г. Другое дело, что большевики вряд ли стали бы долго терпеть в своем правительстве инопартийную оппозицию.

Некоторые западные авторы, полагая, что большевики были “нормальной” партией, даже восхищаются их организационной структурой. Так, М. Дюверже отмечал “невероятную гибкость” демократического централизма, позволяющего партии, действующей на централизованной основе, оставаться “в гуще масс” [Дюверже 2007: 102-103]. На деле в организационном отношении большевизм был наследником русской авторитарно-идеократической традиции. Это со временем сказало в полной мере: “религия Маркса” окостенела в объятиях номенклатуры.

Несомненно, в итоге все участники событий 1917 г. проиграли, включая большевиков, провалившись в своем ожидании мировой революции. Если человек — это существо, запутавшееся в дебрях им же самим созданных символов, то сомнительно, что апологетика несостоявшейся многопартийности поможет распутать ошибки прошлых лет. А потому предстоит выяснение того, как лидеры партий смотрелись из толпы образца 1917 г., которая на деле определяла ход и исход событий. Иллюзии о том, что истероидной полифонией революции способны управлять несколько дирижеров, следует отбросить навсегда.

* * *

Исторические приключения многопартийности в России продолжились в 1990-е годы. И вновь партийно-политическая система стала строиться сверху. В очередной раз колоссальную роль сыграл демагогический и имитационный момент. Достаточно вспомнить В.В. Жириновского. Само название его партии — Либерально-демократическая — являлось своего рода знаковым концентратом расхожих постсоветских символов свободы. Заявив при этом о своей готовности не только моментально спасти экономику, но и выдать всем нуждающимся вожденное — от бутылки водки алкоголику до мужей незамужним дамам, — Жириновский выступил в роли шута и мага одновременно. В его лице соединилась традиция смеховой культуры, коммунистической демагогии времен Хрущева и все тех же народных утопий и психозов вокруг образа “своей” власти [Булдаков 2007: 124-125]. Подлинная история многопартийности “банальна”, ибо ее ход по-прежнему лимитирован мощным, но малозаметным давлением повседневности, перед которой бессильны любые партии и правители, включая самых демагогичных. Исследователи отмечают, что нынешние партии “создаются для имитации политической жизни в стране” [Болоцких 2014: 202]. Правда, если в начале XX в. количество партий измерялось сотнями, то в наше время впору переходить на тысячи. И вовсе не случайно власть от сдерживания мультипликации партийной жизни перешла к стимулированию политической “мелюзги”. Распыление представительских структур помогает укреплению авторитаризма.

Наиболее проницательные исследователи отмечают суррогатный и имитационный характер современных российских политических партий, а всю политическую систему именуют неопатерналистской или консервативно-патерналистской, опирающейся на архаизацию массового сознания в парадигме веры и склоняющейся

к использованию механизмов негативной мобилизации [Гудков 2015: 108, 116-118, 161, 165, 185]. Последнее не случайно находит поддержку в низших общественных стратах. В общем можно с полным основанием говорить о реактивации традиционной авторитарной политической культуры. Многопартийность вновь оказалась фиговым листком, скрывающим тенденцию к свертыванию демократии.

Конечно, уроки российской многопартийности нужно изучать, но “с другого конца” — безнадежно пытаться игнорировать историю и культуру народа. Нельзя забывать, что и прошлая, и нынешняя российская многопартийность — объект, а не субъект исторического действия. Реальный субъект не столь заметен — это те самые “темные массы”, с которыми высоколобые, но социально анемичные элиты не нашли и не находят общего языка.

Алексеев И.Е. 1995. “Царско-народное мусульманское общество” в Казанской губернии. — *Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность. Тезисы докладов Республиканской научной конференции*. Казань: Издательство “Kazan-Казань”. С. 76-78.

Болоцких В.Н. 2014. *Есть ли политические партии в России? Анализ партийных программ*. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС. 208 с.

Булдаков В.П. 2001а. Большевизм в интерьере российской многопартийности. — *Призвание историка: Проблемы духовной и политической истории России. Сборник статей к 60-летию профессора В.В. Шелохаева*. М.: РОССПЭН. С. 286-302.

Булдаков В.П. 2001б. Многопартийность или социально-информационный хаос? — *Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы*. М.: ФРПЦ. Вып. 17. С. 35-39.

Булдаков В.П. 2005. Историографический зигзаг эпохи застоя. — *Из архива тверских историков. Сборник воспоминаний и научных трудов*. Тверь: Золотая буква. Вып. 5. С. 22-28.

Булдаков В.П. 2007. *Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления*. М.: РОССПЭН. 204 с.

Булдаков В.П. 2009. Вторжение марксизма в Россию: Акт первый. — *Леонид Михайлович Иванов. Личность и научное наследие историка. Сборник статей к 100-летию со дня рождения*. М.: РОССПЭН. С. 182-200.

Булдаков В.П. 2010. Российская многопартийность в контексте системных кризисов. — *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. № 12. Вып. 2. С. 17-33.

Гудков Л.Д. 2015. Ресентиментный национализм. — *Политическая концептология*. № 4. С. 102-187.

Данилевский Н.Я. 1991. *Россия и Европа*. М.: Книга. 574 с.

Дюверже М. 2007. *Политические партии*. М.: Академический Проект. 544 с.

Знаменский О.Н. 1976. *Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения*. Ленинград: Наука. 363 с.

Зырянов П.Н. 1984. *Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг.* М.: Наука. 226 с.

Кириянов Ю.И. 1997. Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 года: причины кризиса и краха. — *1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению*. М.: Институт российской истории РАН. С. 79-94.

Королев С.А. 2009. Псевдоморфоза как тип развития: случай России. — *Философия и культура*. № 6. С. 72-85.

Критический словарь Русской революции: 1914-1921. Составители: Э. Актон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев. 2014. СПб.: Нестор-История. 768 с.

Леонтьева Т.Г. 1996. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX в. (на материалах Тверской губернии). — *Революция и человек: социально-психологический аспект*. М.: Институт российской истории РАН. С. 92-114.

Леонтьева Т.Г. 2000. Поповичи: нравы бурсы пореформенной России. — *Родина*. № 7. С. 49-53.

Леонтьева Т.Г. 2001. Вера и бунт. Духовенство в революционном обществе России в начале XX в. — *Вопросы истории*. № 1. С. 29-43.

Леонтьева Т.Г. 2008. Священник, революция, власть: судьба Андрея Голикова. — *Долг и судьба историка. Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова*. М.: РОССПЭН. С. 222-234.

Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. 2012. М.: РОССПЭН. 1111 с.

Непролетарские партии России: Урок истории. Под ред. И.И. Минца. 1984. М.: Мысль. 566 с.

Рабинович А. 1990. Попытки формирования многопартийного демократического социалистического правительства в 1917 г. в России. — *История СССР*. № 6. С. 191-207.

Пайпс Р. 1994. *Русская революция. Ч. 1*. М.: РОССПЭН. 423 с.

Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. 1987. М.: Институт истории СССР АН СССР. 243 с.

Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. 1996. М.: РОССПЭН. 800 с.

Протасов Л.Г. 1997. “Кто был кто” во Всероссийском Учредительном собрании. — *Крайности истории и крайности историков*. М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем. С. 80-95.

Розенталь И.С. 2015. *Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников*. М.: Новый хронограф. 536 с.

Русское православие: Вехи истории. Под ред. А.И. Клибанова. 1989. М.: Политиздат. 719 с.

Спирин Л.М. 1987. *Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий*. М.: Мысль. 333 с.

Степун Ф.А. 1991. Мысли о России. — *Новый мир*. № 6. С. 201-239.

Толстой И.И. 1997. *Дневник 1906-1916*. СПб.: Европейский Дом; Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 728 с.

Федотов Г.П. 1952. *Новый град*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова. 380 с.

Шелохаев В.В. 1996. *Либеральная модель переустройства России*. М.: РОССПЭН. 280 с.

Шелохаев В.В. 1997. Феномен многопартийности в России. — *Крайности истории и крайности историков*. М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем. С. 10-11.

DOI: [10.17976/jpps/2016.04.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.09)

RUSSIAN MULTI-PARTY SYSTEM: ILLUSIONS OF THE PAST, THE CHIMERA OF CONTEMPORANEITY

V.P. Buldakov¹

¹*The Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich, Dr. Sci. (Hist.), Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (IRH RAS). Email: kuroneko@list.ru

Received: 15.10.2015. Accepted: 27.04.2016

Abstract. The author refutes the idea that progress of multiparty system in Russia equaled the development of democratization. On the contrary, origin of multiparty system in Russia in the late XIX — early XX century was the symptom of fragmentation of society, which, in turn, indicated the approaching system crisis. Russian

political parties grew from above, not from below; they embodied the processes of ideological self-expression of intelligentsia, rather than awakening of basic class forces. The fact that political parties originally emerged on the outskirts of the Empire (firstly on the left, then on the right side of the political spectrum) is another characteristic of the process of political party building as reflection of the approaching disintegration of Empire and division of society. It also indicates utter weakness of liberal center parties. All of this was fully confirmed in 1917. Events of the late XX century reflect the cultural and genetic nature of the continuing archaic character of the mass political culture in the country. The basis of this culture, namely the paternalistic and hierarchic patterns of mass behavior, remains unchanged. The existing political parties, as a rule, merely mimic the presence of a normal political life in the country, contributing to consolidation of neopaternalistic relations in politics and archaic mass consciousness. The author underlines the necessity to study the real subject of Russian political history – the very “dark masses”, with which the elite still cannot find a common language.

Keywords: Russia; political culture; multiparty system; revolution; paternalism; authoritarianism; bolshevism.

References

Alekseev I. Ye. “Tsarsko-narodnoe musul’ manskoe obshchestvo” v Kazanskoj gubernii [“Tsar-national Muslim community” in the Kazan province]. – *Sotsial’no-istoricheskoe znanie v Tatarstane: issledovatel’skie traditsii i sovremennost’*. Tezisy dokladov Respublikanskoj nauchnoj konferentsii [Socio-historical Knowledge in Tatarstan: Research Tradition and Modernity. Abstracts of the Republican Scientific Conference]. Kazan’: “Kazan’ – Kazan’” Publisher. 1995. P. 76-78. (In Russ.)

Bolotских V.N. *Est’ li politicheskie partii v Rossii? Analiz partiinykh programm* [Whether There Are Political Parties in Russia? The Analysis of Party Programs]. Moscow: BIBLIO-GLOBUS Publishing House. 2014. 208 p. (In Russ.)

Buldakov V.P. Bol’shevizm v inter’ere rossijskoj mnogopartiinosti [Bolshevism in the Interior of the Russian Multi-party System]. – Prizvanie istorika: Problemy dukhovnoi i politicheskoi istorii Rossii. Sbornik statei k 60-letiyu professora V.V. Shelokhaeva [Calling Historian: Problems of Russian Spiritual and Political History. Collection of Articles on the 60th Anniversary of Professor V.V. Shelokhaev]. Moscow: ROSSPEN. 2001a. P. 286-302. (In Russ.)

Buldakov V.P. Mnogopartiinost’ ili sotsial’no-informatsionnyi kaos? [Multi-party System, or Social and Informational Chaos?]. – *Rossiya v usloviyakh transformatsii. Istoriko-politologicheskii seminar. Materialy* [Russia in the Conditions of Transformation. History and Political Science Seminar. Materials]. Moscow: FRPC Publisher. 2001b. Issue 17. P. 35-39. (In Russ.)

Buldakov V.P. Istoriograficheskii zigzag epokhi zastoya [Historiographical ZigZag of the “Zastoi” Epoch]. – *Iz arkhiva tverskikh istorikov. Sbornik vospominanii i nauchnykh trudov* [From the Archives of the Tver Historians. Collection of Memories and Scientific Works]. Tver’: Zolotaya Bukva Publisher. 2005. Issue 5. P. 22-28. (In Russ.)

Buldakov V.P. *Quo vadis? Krizisy v Rossii: Puti Pereosmysleniya* [Quo vadis? The Crises in Russia: Ways of Rethinking]. Moscow: ROSSPEN. 2007. 204 p. (In Russ.)

Buldakov V.P. Vtorzhenie Marksizma v Rossiyu: Akt Pervyi [Invasion of Marxism in Russia: First Act]. – Leonid Mikhailovich Ivanov. *Lichnost’ i nauchnoe nasledie istorika. Sbornik statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Leonid Mikhailovich Ivanov. Personality and Scientific Heritage of the Historian. Collection of Articles on the 100th Anniversary of His Birth]. Moscow: ROSSPEN. 2009. P. 182-200. (In Russ.)

Buldakov V.P. Russian Multi-party System in the Context of Systemic Crises. – *Bulletin of the Tver State University. Series: History*. 2010. No. 12. Issue 2. P. 17-33. (In Russ.)

Critical Companion to the Russian Revolution 1914-1921. Ed. by Acton E., Cherniaev V.Iu., Rosenberg W.G. (Russ. ed.: *Kriticheskii slovar’ Russkoi revolyutsii: 1914-1921*. Ed. by E. Akton, U.G. Rozenberg, V.Yu. Chernyaev. Saint Petersburg: Nestor History Publisher. 2014. 768 p.).

Danilevskii N.Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Kniga Publisher. 1991. 574 p. (In Russ.)

Duverger M. Les Partis Politiques (Russ. ed.: Dyuverzhe M. *Politicheskie Partii*. Moscow: Akademicheskii Proekt. Publisher. 2007. 544 p.).

Fedotov G.P. *Novyi grad* [New Castle]. New York: Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc. 1952. 380 p. (In Russ.)

Gudkov L.D. Ressentimental Nationalism. – *Political Conceptology*. 2015. No. 4. P. 102-187. (In Russ.)

Kir’yanov Yu.I. Prave partii v Rossii nakanune i v fevral’sko-martovskie dni 1917 goda: prichiny krizisa i krakha [The Right-wing Party in Russia on the Eve and in the February-March Days of 1917: Causes of the its Crisis and the Collapse]. – *1917 god v sud’bakh Rossii i mira. Fevral’skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* [1917 in the Fate of Russia and the World. The February Revolution: from New Sources to the New Understanding]. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of Russian History. 1997. P. 79-94. (In Russ.)

Korolev S.A. Pseudomorph as the Type of Development: the Case of Russia. — *Philosophy and Culture*. 2009. No. 6. P. 72-85. (In Russ.)

Leont'eva T.G. Vera ili svoboda? Popy i liberaly v glazakh krest'yan v nachale dvadtsatogo veka (na materialakh Tverskoï gubernii) [Faith and Freedom? Priests and Liberals in the Eyes of the Peasants in the Early Twentieth Century. (On Materials of the Tver Province)]. — *Revolyutsiya i chelovek: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt* [The Revolution and the People: Social and Psychological Aspect]. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of Russian History. P. 92-114. (In Russ.)

Leont'eva T.G. Popovici: Mores of Bursa Post-reform Russia. — *Rodina*. 2000. No. 7. P. 49-53. (In Russ.)

Leont'eva T.G. Faith and Rebellion. Russian Clergy in a Revolutionary Society in the Early Twentieth Century. — *Questions of History*. 2001. No. 1. P. 29-43. (In Russ.)

Leont'eva T.G. Svyashchennik, revolyutsiya, vlast': sud'ba Andrey Golikova [The Priest, the Revolution, the Power: the Fate of Andrei Golikov]. — *Dolg i sud'ba istorika. Sbornik statei pamyati doktora istoricheskikh nauk P.N. Zyryanova* [The Debt and the Fate of the Historian. Collection of Articles Memory of Doctor of Historical Sciences P.N. Zyryanov]. Moscow: ROSSPEN. 2008. P. 222-234. (In Russ.)

Nasledie Ariadny Vladimirovny Tyrkovi: Dnevnik. Pis'ma [Heritage Ariadna Vladimirovna Tyrkova: Diaries. Letters]. Moscow: ROSSPEN. 2012. 1111 p. (In Russ.)

Neproletarskie partii Rossii: Urok istorii (pod redaktsiei I.I. Mintsy) [Non-proletarian Parties in Russia: History Lesson. Ed. by I.I. Minz]. Moscow: Mysl'. 1984. 566 p. (In Russ.)

Rabinovich A. Attempts to Form a One-party Democratic Socialist Government in 1917 in Russia. — *History of the USSR*. 1990. No. 6. P. 191-207. (In Russ.)

Pipes R. The Russian Revolution. Part One. (Russ. ed.: Pipes R. *Russkaya revolyutsiya*. Chast' 1. Moscow: ROSSPEN. 1994. 423 p.)

Politicheskie partii Rossii v period revolyutsii 1905-1907 gg. Kolichestvennyi analiz [Russian Political Party during the Revolution of 1905-1907. Quantitative Analysis]. Moscow: USSR Academy of Sciences Institute of History of the USSR. 1987. 243 p. (In Russ.)

Politicheskie partii Rossii. Konets XIX — pervaya tret' XX veka [Political Parties of Russia. The End of XIX — the First Third of the Twentieth Century]. Moscow: ROSSPEN. 1996. 800 p. (In Russ.)

Protasov L.G. "Kto byl kto" vo Vserossiiskom Uchreditel'nom sobranii ["Who Was Who" in the All-Russian Constituent Assembly]. — *Krainosti istorii i krainosti istorikov* [Extremes of History and Historians extreme]. Moscow: Russian Independent Institute of Social and National Problems. 1997. P. 80-95. (In Russ.)

Rozental' I.S. *N. Valentinov i drugie. Dvadsatyi vek glazami sovremennikov* [N. Valentinov and Others. The Twentieth Century Through the Eyes of His Contemporaries]. Moscow: Novyi khronograf. 2015. 536 p. (In Russ.)

Russkoe pravoslavie: Vekhi istorii. Pod redaktsiei A.I. Klibanova [Russian Orthodoxy: Milestones. Ed. by A.I. Klibanov]. Moscow: Politizdat. 1989. 719 p. (In Russ.)

Shelokhaev V.V. *Liberal'naya model' pereustroistva Rossii* [The Liberal Model of Transformation of Russia]. Moscow: ROSSPEN. 1996. 280 p. (In Russ.)

Shelokhaev V.V. Fenomen mnogopartiinosti v Rossii [The Phenomenon of a Multiparty System in Russia]. — *Krainosti istorii i krainosti istorikov* [Extremes of History and Historians extreme]. Moscow: Russian Independent Institute of Social and National Problems. 1997. P. 10-11. (In Russ.)

Spirin L.M. *Rossiya, 1917 god: Iz istorii bor'by politicheskikh partii* [Russia, 1917: From the History of the Struggle of Political Parties]. Moscow: Mysl'. 1987. 333 p. (In Russ.)

Stepun F.A. Thoughts on Russia. — *Novyi mir*. 1991. No. 6. P. 201-239. (In Russ.)

Tolstoi I.I. *Dnevnik 1906-1916* [The Diary 1906-1916]. Saint Petersburg: Evropejskij Dom; Publisher European University in St. Petersburg. 1997. 728 p. (In Russ.)

Znamenskii O.N. *Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie: Istoriya sozyva i politicheskogo krusheniya* [All-Russian Constituent Assembly: The History and Political Collapse of the Convocation]. Leningrad: Nauka. 1976. 363 p. (In Russ.)

Zyryanov P.N. *Pravoslavnaya tserkov' v bor'be s revolyutsiei 1905-1907 godov* [The Orthodox Church in the Struggle with the Revolution of 1905-1907]. Moscow: Nauka. 1984. 226 p. (In Russ.)